

О. А. Бодрова

**ТРАДИЦИОННЫЕ ПРОМЫСЛЫ, МИГРАЦИИ И ПЕРЕХОД К ОСЕДЛОСТИ
КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА
НА ПРИМЕРЕ ИСТОРИИ СААМСКОЙ СЕМЬИ К. АРХИПОВА⁸**

Аннотация

В статье рассматриваются хозяйственно-культурные особенности, переход от сезонных миграций и промыслов к оседлости и постоянной занятости имандрской группы кольских саами на примере семье К. И. Архипова. Исследование проводится на материале путевых, этнографических и краеведческих очерков второй половины XIX — первой половины XX вв.

Ключевые слова:

кольские саами, семья, Экостровский погост, оз. Имандра, Мончегорск, традиционные промыслы, миграции, оседлость, очерки.

Olga A. Bodrova

**TRADITIONAL INDUSTRIES, MIGRATIONS AND SETTLEMENT
OF THE INDIGENOUS PEOPLE OF THE KOLA PENINSULA:
THE CASE OF THE SAMI FAMILY HISTORY OF KALINA ARKHIPOV**

Abstract

The paper discusses the economic and cultural features, the transit from seasonal migrations and industries to settlement and regular employment of the Imandra group of the Kola Sami. It is the case of the family history of the Yokostrov sami Kalina Arkhipov. The study is based on the material of travel, ethnographic and local history essays of the second half of the XIX — the first half of the XX centuries.

Keywords:

the Kola sami, family, Yokostrovsky pogost, Imandra lake, Monchegorsk, traditional industries, migrations, settlement, essays.

Кольских саамов принято характеризовать как этнографическую группу, которая до начала XX в. сохраняла полукочевой образ жизни, сочетая оленеводческий, рыболовный и охотничий хозяйственные промыслы [Лукьянченко, 1971: 6]. Зимой саамы проживали в зимних погостах в местах, богатых ягелем, необходимым оленям, в остальное время года распадались на семейные или (реже) производственные группы для кочевания по рыболовецким участкам с одно- или многодневными переходами [Хомич, 1999: 15; Куропятник, 2003: 102]. В зависимости от природных ресурсов хозяйственные занятия того или иного саамского погоста могли несколько различаться по преобладающему промыслу. Для саамов западных и северо-западных погостов (Нотозерского, Бабинского, Экостровского, Пазрецкого, Печенгского, Мотовского) ведущим промыслом являлась речная, озерная или же морская рыбная ловля, для восточных (кроме Каменского) — оленеводство, для Каменского погоста — охота на дикого оленя. Из второстепенных занятий

⁸ Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ по проекту № 18-09-00392 «Население Кольского полуострова между двумя мировыми войнами: миграции, мобильность, идентичность».

к 1880-х гг., когда активизировался колониционный процесс на Кольском п-ове, первое место по доходности стало занимать извозничество [Дергачев, 1877; Харузин, 1890], что было связано с увеличением потока чиновников, приезжих ученых, государственных служащих, выполняющих здесь исследования и работы, а главное — промышленников, добирающихся от своих селений у Белого моря до становищ на Мурманском берегу и обратно.

Первоначально извозничество у саамов составляло ямскую обывательскую повинность, которая возлагалась на весь «мир» (общество) и могла быть выплачена «и деньгами, и натурою» [Ефименко, 1878: 57]. Традиционно дорожную повинность, или «гоньбу», на обывательских станциях по всему пространству от Колы до Кандалакши отправляли саамы Экостровского погоста [Там же], а также других погостов, расположенных вдоль озера Имандры — одного из основных путей сообщения Кольского почтового тракта. В 1770-х гг. Екатерина II отменила ямскую повинность, и дорожные станции стали отдавать с торгов на три года тем, кто соглашался «гонять подводь» за наименьшую плату [Ушаков, 1998: 368]. Держатели станций, выигравшие торги, для перевозки людей и грузов должны были иметь установленное количество ездовых оленей (для зимнего времени), лодок (для перевозок в летнее время) и гребцов, которые в то же время служили провожатыми и носильщиками по сухопутным переходам [Энгельгардт, 1897: 77]; последними, главным образом, занимались саамы. Они же, как правило, присматривали за путевыми избами на почтовых станциях, переселялись на этот участок со всей семьей.

Близость селений к почтовому тракту, «ямской» извозный промысел с налагающими требованиями более оседлого образа жизни, тесные контакты с русскими путешественниками отличали саамов, живущих по побережью Имандры, от других групп саамского населения задолго до железнодорожной колонизации и обусловили особый тип миграций и перехода к оседлости. Эта тема, безусловно, представляет для этнографов большой научный интерес, однако не являлась ранее, насколько нам известно, предметом целенаправленного изучения. Настоящее исследование является попыткой отчасти восполнить данную лауну. В качестве одного из возможных исследовательских ракурсов выбрана история конкретной саамской семьи и жизни одного из ее наиболее ярких представителей — выходца из экостровских саамов Калины Архипова (1863–1937).

История семьи Архиповых, конечно, берет начало задолго до Калины Ивановича. Экостровские Архиповы упоминаются многими российскими и зарубежными исследователями, побывавшими на Кольском п-ове в XIX–XX вв. Однако именно за Калиной Ивановичем закрепилась слава основателя если не династии, то поселения, давшего начало целому городу — Мончегорску. Следует уточнить, что целью данной статьи является не столько воссоздать семейную историю (что уже в общих чертах было проделано мончегорскими краеведами и потомками Калины Ивановича [Караваева, 1999; Архипова, 2006; Лейбензон, 2007]), сколько проследить, как преломляются в образе семьи Калины Архипова хозяйственно-культурные особенности жизни саамского населения конца XIX — первой половины XX вв.: от 1880-х гг., когда в связи с развитием колониционного процесса интенсифицируется дорожно-транспортное сообщение на Кольском п-ове, до предвоенного времени конца 1930-х гг.

Основным видом источников в исследовании послужили путевые, этнографические и краеведческие очерки. До XX в. тексты именно этого жанра, в том числе написанные иностранными авторами, содержат упоминания об Архиповых и их деятельности на дорожных станциях и могут служить специфическим источником исторической информации. Из документов, принятых на хранение в архивы, ценность для данного исследования представляют фонды № И-6 «Чиновник по крестьянским делам Кольского уезда», в котором имеется посемейный список Кольского уезда (1891 г.), и № И-21 «Кольское уездное полицейское управление» ГОКУ ГАМО в г. Мурманске (см. подробнее об архивных источниках, раскрывающих историко-политические и социальные аспекты жизни саамского населения Кольского п-ова: [Иванова и др., 2017]). Вместе с тем до 1900-х гг. архивных документов, раскрывающих биографию К. И. Архипова и членов его семьи (например, церковных метрических книг), крайне мало, что повышает ценность очерковой литературы дореволюционной эпохи для исследователя. Не утрачивают своей актуальности очерки и более позднего периода, однако они требуют критического анализа и подхода. С одной стороны, в силу того что очерк является полудокументальным-полухудожественным жанром [Очерк, 1934: 394], он сочетает в себе как изображение реальных фактов, так и их преломление через призму художественного видения автора, что далеко не всегда получается разделить в исследовании. С другой стороны, художественное осмысление исторических и этнографических реалий в очерковой форме само по себе представляет перспективный ракурс для социально-антропологического изучения, так как являет собой яркий пример мифотворчества, связанного в случае Калины Архипова с фигурой родоначальника, основателя, первопроходца.

Начало жизненного пути

Калина Иванович Архипов (саамское имя Калын Эвен) [Архипов Калина... (а), ЭР; Мончегорск, ЭР] родился 23 августа 1863 г. В источниках нет единого мнения по поводу его происхождения. Внучка Калины Ивановича пишет, что в середине XIX в. его родители Иван и Любовь Архиповы жили в Бабинском погосте, однако семейными угодьями Архиповых называет прибрежные районы озера Имандра, ягельники гор Поазуайвенч, Ньюдуайвенч, Сопчуайвенч [Караваева, 1999: 64] — окрестности современного Мончегорска, которые, как логично можно предположить, вместе с Монче-губой относились к территориям Экостровского погоста (см. перечисление тоней [Дергачев, 1877: 56–57]). Сомнительным кажется также предположение, что Калина Архипов происходил из Маселгского погоста (позднее — с. Пулозеро) [Предания Монче-тундры, ЭР], так как и в этом случае остается неясным, каким образом в его владения попала Монче-губа, которая исконно относилась к угодьям экостровских саамов и в этом качестве упоминалась еще в записках дьяка Василия Агалина (1574 г.), в писцовой книге Алая Михалкова (1608–1611 гг.), в переписях 1866 и 1897 гг., а также в других документах статистического содержания. Поэтому наиболее вероятными представляются сведения тех справочных ресурсов, в которых указывается, что К. И. Архипов происходил из экостровских (имандровских) саамов [Архипов Калина... (б), ЭР] и с конца XIX в. жил на южном берегу Монче-губы. В тех же краях, на южном берегу озера Лумболка, находилось жилище

и его сестры Матрены [Мончегорск, ЭР], что лишний раз подтверждает обычное право семьи Архиповых на данные территории (место проживания сестры Акулины в источниках не указывается). Согласно записям В. Ю. Визе, в этих краях жил и прадед Калины Левонтий (по подсчетам исследователя, это было примерно в 1840-х гг.), про которого Калина Иванович поведал предание о жертвоприношении в районе Нюдозера и Ньюда-реки (район Монче-губы) — в месте рыбной ловли, а значит, фамильной тони Левонтия [Визе, 1917б: 66].

Возможно, некоторая путаница с происхождением Калины Ивановича объясняется той причиной, что экостровские саамы в хозяйственно-культурном отношении находились близко как к бабинским, так и к масельским саамам, входили в состав одного и того же общества — Экостровского [Мухин, 1910: 9 и др.]. Это позволило ряду исследователей относить их к единой географической группе — к саамам «имандрским» [Визе, 1917а: 15], селившимся у оз. Имандры, вдоль берегов которой проходила значительная часть Кольского почтового тракта. Многие века основой хозяйственного комплекса саамов этих погостов, судя по писцовым книгам и статистическим данным, являлась охота на пушного зверя, лесную птицу, а также озерная и речная рыбная ловля [Харузин, 1890: 464]. Олени держались только для семейных или ямских нужд (так, на Экостровской станции, по данным 1866 г., их было 14 [Дергачев, 1877: 14]), а сами саамы названных погостов занимались ямщиками Кольского почтового тракта [Иванова, Шабалина, 2019: 44]. Другим второстепенным доходом экостровских саамов являлось судостроение, а также поделки из бересты [Харузин, 1890; Дергачев, 1977].

Среди ямщиков Имандры в большинстве путевых очерков российских и зарубежных исследователей упоминаются именно Архиповы. Не все из них были родственниками Калины Ивановича. Архиповы — одна из родовых фамилий кольских саамов, однако не обязательно однофамильцы являлись близкими родственниками, как указывают исследователи саамских семей [Лейбензон, 2007; Кучинский, 2008]. Так, Г. А. Лейбензон перечисляет среди саамы Архиповых не только Калину и его детей, но и экостровского саама Фому Ефимовича, который в 1894 г. работал проводником у инженера Бориса Риппаса при проведении изысканий на трассе будущей железной дороги, а также Мирона Архиповича Архипова из Хибин, сопровождавшего экспедицию профессора Висконта, которая в 1922 г. добралась до Монче-тундры [Лейбензон, 2007: 3]. В архивных документах 1920-х гг., в которых указаны водные участки, закрепленные за экостровскими саамами и их семьями для рыбной ловли, значатся Максим и Архип Архиповы, Яков Архипов [НА РК. Ф. 1465. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 105–107]. В очерках более раннего периода — конца XIX века — упоминаются: Ларивон Архипов [Кудрявцев, 1884: 54] (по всей видимости, его же под именем Лариван, работающего на Йокостровской станции, мы встречаем в очерках англичанина Эдварда Рэя [Rae, 1881: 235]); Мирон Ефимович Архипов, с которым Рэй познакомился в Зашейке [Там же]; кузина Мирона Мария Ивановна Архипова и ее муж (рис. 1), работавшие на станции в Раснаволоке [Там же: 254] (видимо, о них же вскользь пишет другой английский путешественник, орнитолог Генри Персон, оказавшийся на станции Разнаволок в 1902 г. [Pearson, 1904: 153], а также незамужняя девушка Настасья Котеовна Архипова [Rae, 1881: 255]).

Рис. 1. «Другие Архиповы»: Мария Ивановна Архипова с супругом, ст. Разнаволок. 1902 г. [Pearson, 1904: 155]

За недостаточностью сведений из архивных источников рубежа XIX–XX вв., для того чтобы восстановить первую половину жизненного пути Калины Архипова, приходится обратиться к очерковым текстам. Биографичность подобных сведений можно принять только с некоторыми оговорками и установить ее исходя из контекста. В. В. Чарнолуский, тесно общавшийся с Калиной Ивановичем в 1935 г., когда Союз писателей направил его собирать сказки у саамов Мончи, много пишет о «знаменитом проводнике геологических экспедиций Даниле Ивановиче Архипове» [Чарнолуский, 1972: 125] (рис. 2). Непонятно, зачем этнографу потребовалось изменить имя Калины Ивановича на Данилу Ивановича, но детали очерков подтверждают, что речь идет именно об этом саами. Из рассказов Данилы-Калины Архипова, пересказанных в очерках, следует, что его отец летом жил на Монче, в семейных угодьях, и держался «вольной жизни», будучи «лесовым человеком, кочевником тундры» [Там же: 141]. Сам Калина в возрасте 14–15 лет, то есть около 1877–1878 гг., «пошел в батраки»: зимой работал ямщиком на почтовой станции Половинка⁹ у богатого саама, выигравшего станцию с торгов [Там же: 140], а летом возвращался к отцу (по всей видимости, для занятий рыбной ловлей и лесной охоты) [Там же: 141]. По другим сведениям, трудовую жизнь Калина начал еще ранее: девятилетним

⁹ Неизвестно, была ли уже в это время станция Половинка; поселок с таким же названием появился только около 1900 г.

мальчиком вместе со взрослыми мужчинами он нанимался на работу на озерах, в море, ходил ловить рыбу и бить зверя [Караваева, 1999: 64].

На «вторую весну» наемной работы ямщиком к отцу Калины явился незнакомый человек, судя по характеристике, геолог, которого Калина отвел в леса и горы; тот что-то искал «во пустых местах» (возможно, имеется в виду тундра), набрал полный мешок камней и ушел [Чарнолуский, 1972: 141]. И тут проявляются «погрешности» очеркового жанра как исторического источника. Если предположить, что дата рождения Калины Ивановича указана в источниках верно, а свой возраст, когда он впервые выступил в роли проводника, саам указал приблизительно, то визит этого человека мог прийтись на самый конец 1870-х — 1880 гг. Действительно, в 1876 г. в Ловозерских тундрах побывал финский исследователь Арвид Генетц, однако это происходило в зимнее время, и ученый описывает свое путешествие как поездку на санях, что противоречит тексту «биографического повествования». В 1880 г. состоялась экспедиция в Хибинские тундры с участием Н. В. Кудрявцева. Дата и упоминание ученого среди тех, кого водил Калина, в очерках Чарнолуского наводят на мысль, что это вполне мог быть Кудрявцев, однако сам исследователь, подробно рассказывая о своих саамских проводниках, Калину Архипова никак не упоминает. Не подходит под описание и А. И. Кельсиев, проводивший исследования на Кольском п-ове в 1877 г., так как нет никаких сведений, что начинающий антрополог увлекался геологией и коллекционированием минералов. Остается предположить, что именно в этом отрывке «воспоминаний» Калины Архипова имеет место если не художественный вымысел, то «художественная» неточность (либо ошибка самого рассказчика). Тем не менее визит, предположительно, геолога стал поворотным моментом в биографии и жизнеописании Калины Ивановича, который с тех пор регулярно начал работать проводником у приезжих исследователей: «На том же веку» (видимо, до начала XX в.) к нему приходили «еще такие же люди. И они взяли камни, ничего не сказали, ушли. Все они были “большой руки” ученые люди. Он помнил фамилии многих из них до сих пор: Рамзай, Кудрявцев, Визе» [Чарнолуский, 1972: 141].

Проводник

Характеристика Калины Ивановича как проводника первых исследователей Кольского Севера (В. Визе, В. Рамзая, К. Висконта, Г. Рихтера, Б. Попова, А. Ферсмана, В. Чарнолуского), у которого они черпали бесценные сведения о географии края и саамском фольклоре, закреплена во всех печатных и электронных справочных изданиях [Архипов Калина, ЭР, (а) и (б)] и выполняет важнейшие функции в его жизнеописаниях. Во-первых, такая характеристика служит для описания личностных качеств Архипова. Так, Калина Иванович среди приезжих ученых слыл лучшим знатоком Монче-тундры и окрестностей Имандры. Г. Д. Рихтер рассказывал про него, что Калина Иванович при определении береговых линий озера был более точен, чем измерительные приборы, подтверждая тем самым бытовавшее среди путешественников убеждение в необыкновенном географическом чутье саамов [Пация, Разумова, 2006: 68]. В. В. Чарнолуский называл такую особенность у саамов «особой памятью и привычкой к своему краю, навыком разбираться в тончайших очертаниях контуров лесов на горизонте и протяженности холмов в волнистом рельефе тундры» [Чарнолуский, 1930: 46]. Во-вторых, информация

об исследователях, которых Калина Архипов водил по окрестностям озера Мончи, позволяет идентифицировать и выделить его среди других экостровских Архиповых, отличить от упомянутых ранее Фомы Архиповича (проводника Риппаса) и Мирона Архиповича (проводника Висконта). Правда, как следует из очерков, некоторых путешественников могли сопровождать или сталкиваться с ними при тех или иных обстоятельствах разные Архиповы. В-третьих, характеристика Калины Ивановича как проводника становится основополагающей для его жизнеописания, возвышая масштаб его фигуры, начиная с переломного момента встречи с незнакомым исследователем, до первооснователя города. По сути, в работе проводником нет ничего примечательного. Это был стандартный дополнительный промысел для имандрских саамов — водить приезжих чиновников и ученых по малоизвестному Кольскому краю. Однако в случае Калины Ивановича акцент от экономической деятельности сместился в сторону сопричастности к освоению районов Монче-тундры, индустриальному развитию региона и рождению нового города.

Основатель и культурный герой

На первый взгляд тот факт, что Калину Ивановича Архипова в современных справочных и публицистических текстах принято называть «основателем небольшого лопарского поселения на Монче-губе», «старейшиной рода» [Архипов Калина... (а) и (б), ЭР], может вызвать удивление. Как уже было отмечено, Монче-губа относилась к семейным угодиям экостровских саамов по обычному праву с незапамятных времен, что отразилось уже в первых письменных источниках, упоминающих саамские угодия на Кольском п-ове. Почему «основателем» и «старейшиной» должен считаться Калина Иванович, а не его отец Иван или дед Левонтий, чьи имена сохранились в истории, а летние тони также находились в Монче-губе, без знания историко-культурного контекста понять сложно. Безусловно, Калина Архипов не был первым саамом, поселившимся в районе будущего Мончегорска. Однако он стал первым *оседлым* саамом Мончи, что ознаменовало собой важнейший этап в истории и этнографии кольских саамов этого края.

В официальных документах Монче-губа как населенный пункт до 1935 г., когда получила статус рабочего поселка, практически не значится и даже не обозначается на картах вплоть до 1932–1933 гг. [Карта..., ЭР]. Не было зафиксировано в этом районе и саамов как оседлого населения; возможно, поэтому окрестности озера Мончи не вносили в списки статистических, антропологических и других видов общественных и гуманитарных исследований (см., напр.: [Золотарев, 1928: 17]). Надо сказать, что и в целом по Кольско-Лопарскому району, согласно Похозяйственной переписи 1926–1927 гг. оседлые саамские хозяйства являлись редкостью и составляли лишь треть от всех имеющихся (50 из 149) [Похозяйственная перепись..., 1929]. У Калины Архипова в Монче-губе первоначально имелась только летняя избышка для ведения сезонных летних промыслов, его зимнее жилище располагалось в с. Половинка, в двух километрах севернее станции Имандра. На постоянное жительство Калина Иванович перебрался в Монче-губу, только когда началось планомерное изучение и освоение Монче-тундры и прилегающих к ней районов [Лейбензон, ЭР]. Переход к оседлому образу жизни символически был зафиксирован

присвоением почтового адреса избушке Калины Ивановича. Если в 1910-х гг. ее локализация ограничивалась географическими параметрами: «Летняя вежа Калины Архипова находится в конце Montsche-lucht (против Масляного о-ва (Wuj-suol)» [Визе, 1917б: 73], то уже в 1930-х гг. она была нанесена на план строительства населенного пункта Монче-губа, а затем получила адрес: Саамская набережная, д. 1 (всего саамских избушек на этой «улице» было три) [Лейбензон, ЭР] (рис. 3). Во многих очерках содержится упоминание об обещании Василия Кондрикова, первого директора треста «Апатит», руководителя строительством будущего Мончегорска, превратить «первую» избушку города в музей [Чарнолуский, 1972: 118; Лейбензон, 2007: 3]. Возможно, эту идею обыгрывает и А. Е. Ферсман, «вспоминая» в своих очерках слова Калины Архипова: «Нет нам больше места на Монче-губе. Хоть бы в музей взяли!» [Ферсман, 1958: 80]. К слову, избушка простояла долгое время, так и не став музеем, пока не сгорела в 1970-х гг. [Попович, ЭР].

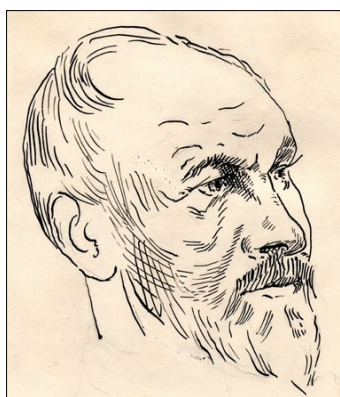

Рис. 2. Калина Иванович Архипов, рисунок В. В. Чарнолуского [Музей-Архив ..., ОФ 332]

Рис. 3. Калина Архипов с семьей у своей избушки в Монче-губе [Предания..., 2018: 28]

Небезынтересно, что статус основателя поселения Калина Иванович имел не всегда. В очерках до эпохи 1930-х гг., когда Монче-губа стала рабочим поселком, а Калина Архипов осел в ней на постоянное место жительства, авторы не употребляли по отношению к сааму таких громких эпитетов, а упоминали его лишь как отличного информанта, работника станции и проводника [Визе, 1917а, б; Белоусов, 1929 и др.]. Возможно, не у всех из них имелись фоновые знания о культуре саамов и особенностях их семейного и общинного права на водные угодья. Так, В. Белоусов, участник экспедиции от журнала «Всемирный следопыт», явно знал о фамильных владениях Архиповых и их истории крайне мало, так как в своих путевых очерках, претендующих на документальное изображение путешествия по Кольскому п-ову, представил вполне мифологическое и при этом абсолютно вымышленное предание о пришествии первого человека в Монче-губу и Монче-гундру. По словам писателя, в Монче-губе они поселились в охотничьей избушке у Федора Архипова, в фигуре

которого можно было бы узнать старшего сына Калины Ивановича, если бы автор не написал, что отец того погиб и не превратил бы Калину Ивановича в дядю Федора, приехавшего навестить племянника [Белоусов, 1929]. Ряд фактов, которые сообщает Белоусов о Калине Ивановиче, совпадает с реалиями его биографии (например, работа проводником и смотрителем станции), но в очерках полностью отсутствует патетическое видение личности Калины Архипова как первого саама, поселившегося на месте будущего города.

Переосмысление фигуры Калины Ивановича и его роли в рождении нового города происходит в текстах более позднего периода. Было высказано предположение, что Калина Иванович превратился из обычного проводника в символическую фигуру «первонасельника» города Мончегорска благодаря А. Е. Ферсману [Пация, Разумова, 2006: 68], романтизовавшему «приветливый костер саами Архипова» и «маленькую избушку с саамским камельком» на Монче-тундре [Ферсман, 1958: 76]. Вероятно, здесь сказывается влияние академика, которого исследователи рассматривают как культурного героя и «гения места» эпохи великого освоения и строительства, на все окружающее пространство Кольского Севера. Несмотря на характеристику саама Архипова как основателя Мончегорска, в некоторых очерках именно Ферсман предстает демиургом по отношению к этому городу: «Александр Евгеньевич пустой камень посмотрел, колупнул, поцарапал, даже языком лизнул. Разбил камень напополам <...> одну половинку подбросил в воздух, подставил этому летучему камню свою сумку. Упал один камень в сумку, а другая половинка упала на землю. Теперь на том месте рудник <...> Сказал: — Старик! Тут тебе большой город будет...» [Чарнолуский, 1972: 144]. В унисон «преданию», переданному В. В. Чарнолуским (больше похожему на литературно обработанные и дополненные этнографом воспоминания самого Архипова о походах с Ферсманом, чем на реальную историю), звучит предсказание академика, записанное в его собственных очерках: «...самый молодой город Советского Союза вырастет там, где на курьих ножках стоял сарайчик старого саами Архипова, где на Лумболке имела свою избушку его сестра Матрена, где нетронутой белела целина сплошного ягельного мха» [Ферсман, 1958: 80]. Таким образом, Калина Архипов, которого хотя и называют основателем поселения, выступает не столько культурным героем, сколько его проводником, функция которого заключалась в том, что он «встречал первоисследователей Монче-тундры, был их главным проводником» [Попович, ЭР], «главным хранителем тайн Монче-тундры для многих исследователей» [Лейбензон, ЭР].

Смотритель

В отличие от работы проводником другая экономическая деятельность Калины Архипова — как смотрителя станции — не наделяется в очерках дополнительными значениями и смыслами. Указывается, что он совмещал обе эти «службы», пока имел два жилища: на летнем месте, в Монче, где он построил избушку и баню, «встречал» и водил приезжих исследователей, и на зимнем месте, на станции Половинка (саам. Корксанда), где Калина Иванович нанялся смотрителем барака для проезжающих промышленников [Чарнолуский, 1972: 141]. На станции Калину Ивановича все уважали: «Барак свой он держал в чистоте и порядке, проходящих сторожил и потачки к пьянству и буйству не давал» [Чарнолуский, 1972: 142; Караваева, 1999: 64]. Казармы, наподобие той,

где работал Калина Иванович, были построены несколько позже, чем станционные избы официальных почтовых станций Кольского тракта, отмеченные на всех картах Кольского п-ова и перечисленные всеми историками и статистами (Н. Дергачевым, А. Я. Ефименко, А. А. Мухиным, Н. Н. Харузиным и мн. др.). Дополнительные станции на пути следования поморов-промышленников от Кандалакши до Колы (такие, как Ягельный бор), расположенные обычно на выселках, с большими казармами, «выстроенными с затратами земских средств и трудов администрации», упоминаются редко [Мухин, 1910: 33–34]. Не встречается прямых сведений ни о казарме на Половинке, ни о других имандрских дополнительных станциях. Однако их можно обнаружить, внимательно изучая путевые очерки исследователей и другие источники. Например, на карте В. Рамзая 1887–1892 гг. отмечена станция, расположенная напротив мыса Высокого (район современной станции Нефелиновые пески). О ней же вспоминает Н. В. Кудрявцев в своих записках [Кудрявцев, 1884: 210–211]. Если допустить достоверность информации, изложенной в очерках Н. Н. Чарнолуского, то Калина Иванович переселился на Половинку «к своим тридцати годам» [Чарнолуский, 1972: 141], то есть около 1900 г. Примерно в это время возникло само поселение Половинка [Географический словарь..., 1939: 79], куда переехала часть экостровских саамов из распавшегося зимнего погоста, покинутого в самом конце XIX в. (как пишет В. Ю. Визе, за 17 лет до его экспедиции [Визе, 1917б: 73]).

Семья и переход к оседлости

По всей видимости, переход к оседлому образу жизни Калины Ивановича Архипова был обусловлен социально-экономическими причинами. С одной стороны, активный процесс изучения и освоения окрестностей Мончи привел к постоянному спросу на услуги проводника, а колониционная политика государства всячески способствовала тому, чтобы коренное население оставило кочевой образ жизни. С другой стороны, не могло не повлиять на изменение жизненного уклада и наличие семьи у Калины Ивановича.

Согласно очеркам, Калина Архипов женился к тридцати годам [Чарнолуский, 1972: 141], около 1900 г., и уже с семьей перебрался на Половинку. Его жена Степанида Карловна, по некоторым источникам, происходила из Бабинского погоста [Предания..., 2018], что вполне могло быть, учитывая вхождение Экостровского и Бабинского погостов в единый эндогамный ареал [Куропятник, 2003]. Вместе с тем существуют неопубликованные свидетельства потомков экостровских саамов, восстанавливающих истории своих семей, согласно которым жену Калины Архипова звали Степанида Карповна и она значилась в документах как крестьянская девица Кандалакшского прихода. Валентина Каравасева, внучка Калины Ивановича от его дочери Марии, описывает Степаниду Карловну как очень энергичную женщину: «Она ни в чем не уступала мужчинам, ходила на лыжах, слыла удачливым охотником» [Каравасева, 1999: 64]. Жена Калины Архипова рано умерла, семеро детей: Федор, Мария, Анисья, Александра, Леонтий (по другим источникам Левонтий, Леонид), Архип и Елена остались без матери. В очерках В. В. Чарнолуского их имена несколько изменены, но узнаваемы: Федотка, Анфиска, Соня, Леночка, Левк, Ярашка [Чарнолуский, 1972: 125–129]. Вместе с тем писатель, по всей видимости, и в данном случае не придерживался фактов: реальный возраст детей Калины Ивановича (если

Чарнолуцкий описывал в своих очерках именно их, о чем доподлинно неизвестно), должен был быть к 1930-м гг. намного больше.

Судьба детей Калины Ивановича прослеживается во многих краеведческих очерках и воспоминаниях потомков Архипова [Семенов-Тян-Шанский, 1975; Караваева, 1999; Архипова, 2006; Лейбензон, ЭР; Лейбензон, 2007].

Старший сын Федор вместе с Германом Крепсом, будущим первым директором Лапландского заповедника, в 1929 г. провел предварительное обследование территорий, отведенных под заповедник, и учет диких оленей (рис. 4). Был арестован 29 сентября 1937 г. по обвинению в контрреволюционной деятельности, расстрелян и реабилитирован только в 1959 г. Жена и дети Федора также не избежали репрессий.

Леонтий, как и отец, работал проводником во многих экспедициях и в рабочих группах по прокладке линий электропередач, заведовал оленьим стадом строительства «Североникеля» (рис. 5). В годы войны перебрался в с. Ловозеро, где умер в конце 1964 г.

Рис. 4. Кордон заповедника. На Чунозере. Наблюдатели охраны Ф. К. Архипов и Л. Г. Кокорин выезжают в дозор. Ноябрь 1934 г. [Семенов-Тян-Шанский, 1975: 17]

Рис. 5. Леонтий Калинович Архипов (справа) с сыном Николаем. 1941 г. [Лейбензон, 2007: 3]

Архип, младший из сыновей, женился на Зинаиде Сорвановой, с семьей которой дружили еще старшие Архиповы. Был первым егерем Лапландского заповедника. Проработал сравнительно недолго и стал членом рыболовной промысловой артели «Имандра». В 1933 г. при спуске с горы на нартах получил смертельное ранение. Зинаида вторично вышла замуж и сохранила за своим сыном фамилию первого мужа.

Старшая из дочерей Мария после смерти матери стала хозяйкой в доме. Повзрослев, она перебралась в Колу и работала на почте, затем в Мурманск, где стала швеей. В 1924 г. под Ленинградом вышла замуж, вместе с мужем много переезжала по стране, работала на «Волховстрое», Свирской ГЭС, электростанции в г. Острове Псковской обл., Волховском алюминиевом заводе. Во время войны супруги попали на Урал и остались там жить. Внук Марии,

правнук Калины Ивановича, живет в Мурманске, окончил высшую «мореходку», работает в ПИПРО.

Остальные дочери прожили всю жизнь в Мончегорске, занимались рыбной ловлей, трудились на «Североникеле» и в «Кольстрое».

Сам Калина Иванович прожил до 74 лет, умер 28 мая 1937 г. на руках своего сына Леонтия, у которого находился на иждивении. Его потомков, по словам Валентины Караваевой, разбросало по всей стране: в Мурманск, Ковдор, Оленегорск, Москву, Санкт-Петербург, на Урал. «По их биографиям можно изучать географию и историю нашей страны» [Караваева, 1999: 65].

Выводы

Жизнь Калины Ивановича Архипова является отчетливой иллюстрацией полукочевого быта кольских саамов конца XIX в. — 1930-х гг., имандрской группы, имеющей следующие хозяйственно-культурные особенности:

- разделенное хозяйство (у Калины Архипова имелись летнее жилище в семейных угодьях в Монче-губе и зимняя изба в Половинке);
- сезонные миграции;
- короткий маршрут перекочевки (обе избышки Калины Архипова располагались буквально напротив друг друга через озеро);
- типичные для всех кольских саамов традиционные промыслы (рыбная ловля, охота, оленеводство);
- дополнительные источники дохода, связанные с дорожно-транспортным значением оз. Имандры (работа проводником, работа ямщиком и смотрителем на станции).

Предположительно, дополнительные промыслы также имели сезонный характер: основная нагрузка смотрителя в бараче приходилась на смены сезонов: весной, когда промышленники уезжали к промысловым участкам на Мурманском берегу, или осенью — когда они возвращались в свои селения на побережье Белого моря. Работа проводником имела отчасти сезонный, отчасти маятниковый характер. Подавляющая часть научных исследований проводилась в летний сезон, когда на горных возвышенностях сходил снег. При этом экспедиции подразумевали для Калины Архипова своеобразный «уход на работу» с возвращением сначала в летнее, затем в постоянное место проживания. Переход к оседлости имел, главным образом, экономические причины и был обусловлен появлением регулярного заработка в районе Монче-тундры, которая активно осваивалась, колонизировалась и застраивалась в 1930-х гг.

Список источников и литературы

Архипов Калина Иванович (а) // Кольская энциклопедия: в 5 т. URL: http://ke.culture.gov-murman.ru/slovník/?ELEMENT_ID=92650 (дата обращения: 14.08.2019).

Архипов Калина Иванович (б) // Кольский Север: энциклопедический лексикон. URL: http://lexicon.dobrohot.org/index.php/%D0%90%D0%A0%D0%A5%D0%98%D0%9F%D0%9E%D0%92_%D0%9A%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B0_%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87. (дата обращения: 14.08.2019).

- Архипова Е. С. История Мончегорска. Род Сорвановых: [исследовательская работа]. Мончегорск: Мончегорские электрические сети, 2006. 20 с.
- Белоусов В. В снегах Лапландии // Всемирный следопыт. 1929. № 5. С. 323–344.
- Визе В. Ю. Народный эпос русских лопарей: Материалы // Известия Архангельского о-ва изучения Русского Севера. 1917а. № 1. С. 15–24.
- Визе В. Ю. Народный эпос русских лопарей: Материалы // Известия Архангельского о-ва изучения Русского Севера. 1917б. № 2. С. 65–73.
- Географический словарь Кольского полуострова: в 2 т. / под ред. В. П. Воицинина. Л.: Тип. им. Володарского, 1939. Т. 1. 144 с.
- Дергачев Н. Статистический очерк // Русская Лапландия: стат. геогр. и этногр. очерки. Архангельск: Тип. губ. прав., 1877. 108 с.
- Ефименко А. Я. Юридические обычаи лопарей, карелов и самоедов Архангельской губернии // Записки ИРГО. 1878. Т. 8. С. 1–89.
- Золотарев Д. А. Кольские лопари // Труды Лопарской экспедиции Русского геогр. о-ва по антропологии лопарей и великорусов Кольского полуострова. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1928. 207 с.
- Иванова М. В., Казакова К. С., Шабалина О. В. Опыт социоэкономического и культурного развития Арктической зоны РФ в VIII — начале XX вв.: к разработке источниковой базы исследования // Труды Кольского научного центра РАН. 2017. Т. 8, № 9–12. С. 61–76.
- Иванова М. В., Шабалина О. В. Извоз и содержание почтовых станций как вид экономической деятельности коренного населения Кольского полуострова (саамов) в XIX в. // Труды Кольского научного центра РАН. 2019. Т. 10, № 2 (16). С. 42–53.
- Караева В. Старожилы Монче-губы // Живая Арктика. 1999. № 3–4. С. 64–65.
- Карта Кольского полуострова 1932–1933 годов НКТП СССР // Это Место. URL: <http://www.etomesto.ru/karta3140/> (дата обращения: 14.10.2019).
- Кудрявцев Н. В. Русская Лапландия // Журнал Министерства народного просвещения. 1884. Ч. 1–2, март. С. 36–72.
- Куропятник М. С. Социальная организация саамов // Прибалтийско-финские народы России. М.: Наука, 2003. С. 101–108.
- Кучинский М. Г. Саами Кольского уезда в XVI–XVIII веках. Модель социальной структуры. Серия DIEDUT. Альта, 2008. № 2.
- Лейбензон Г. А. Мончегорск: история малой родины. Книга о том, как на земле саамской появился город, названный поэтами «жемчужиной Заполярья», и о людях, что построили город и современный комбинат // Краеведческий портал Мончегорска. URL: <http://krai.monlib.ru/monchegorsk-istoriya-maloj-rodiny/> (дата обращения: 05.07.2019).
- Лейбензон Г. А. Лопарский след // Кольский никель. 2007. № 4 (239), 1 февраля. С. 3.
- Лукиянченко Т. В. Материальная культура саамов (лопарей) Кольского полуострова в конце XIX–XX в. М.: Наука, 1971. 167 с.
- Мончегорск // Кольский Север: энциклопедический лексикон. URL: <http://lexicon.dobrohot.org/index.php/%D0%9C%D0%9E%D0%9D%D0%A7%D0%95%D0%93%D0%9E%D0%A0%D0%A1%D0%9A> (дата обращения: 14.08.2019).

Музей-Архив истории изучения и освоения Европейского Севера. ОФ. 332.

Мухин А. А. О Мурмане и Лопландии. Записка Чиновника по крестьянским делам 1-го участка Александровского уезда А. А. Мухина. Архангельск: Губернская тип., 1910. 50 с.

Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. 1465. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 105–107.

Очерк // Литературная энциклопедия: в 11 т. М.: ОГИЗ РСФСР, 1934. Т. 8. С. 394.

Пация Е. Я., Разумова И. А. *Genius loci*. (А. Е. Ферсман) // Северяне: Проблемы социокультурной адаптации жителей Кольского полуострова: сб. ст. Апатиты: КНИЦ РАН, 2006. С. 60–69.

Попович Т. От избышки Калины Архипова // Мурманский вестник. 2017. 30 августа. URL: <https://www.mvestnik.ru/our-home/ot-izbushki-kaliny-arhipova/> (дата обращения: 05.07.2019).

Похозяйственная перепись приполярного Севера СССР 1926–27 года. Территориальные и групповые итоги похозяйственной переписи. М.: Статиздат ЦСУ СССР, 1929. 259 с.

Предания Монче-тундры / Музей истории города Мончегорска, Мончегорская национально-культурная автономия коренного малочисленного народа саами. Апатиты: КаЭМ, 2018. URL: https://psv4.userapi.com/c848432/u13331724/docs/d8/13e9c2906629/Predania_Monche-tundry.pdf?extra=IdvqlhJHWFwJWiyK83Gpe-TaY1ITxlbh4lb5TBPM9BGtv6xer-nGADcoFt2j7eXhicrVIG46TlSqnqP-EnsEPcmxklBpxqSoYXssO7d91cz5bkpn0ccN5ojGylGBvjvA9UZSDmmjQ_NsfnWPZF77_mv&dl=1 (дата обращения: 15.09.2019).

Семенов-Тянь-Шанский О. И. Лапландский заповедник. Мурманск: Кн. изд-во, 1975. 244 с.

Ушаков И. Ф. Избранные произведения: Историко-краеведческие исследования: 3 т. Т. 3: Кольская старина. Мурманск: Кн. изд-во, 1998. 473 с.

Ферсман А. Е. Воспоминания о камне. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. 168 с.

Харузин Н. Н. Русские лопари: (Очерки прошлого и современного быта). М.: Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1890. 472 с.

Хомич Л. В. Саамы. СПб.: Просвещение, 1999. 95 с.

Чарнолуский В. В. В краю летучего камня. Записки этнографа. М.: Мысль, 1972. 271 с.

Чарнолуский В. В. Материалы по быту лопарей: Опыт определения кочевого состояния лопарей восточной части Кольского полуострова. Л.: Издание ГРГО, 1930. 176 с.

Энгельгардт А. П. Русский Север: Путевые записки. СПб.: А. С. Суворин, 1897. 258 с.

Pearson Henry J. Three summers among the birds of Russian Lapland. London: R.H. Porter, 1904. 215 p.

Rae E. The White Sea Peninsula: A Journey in Russian Lapland and Karelia. London: John Murray, 1881. 347 p.

Сведения об авторе

Бодрова Ольга Александровна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Bodrova Olga A.

PhD (History), Senior Research
Fellow of the Barents Centre of the Humanities, FRC KSC RAS

DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2019.7.83-93

УДК 314.7.045(=112.2)(470.21)

Е. В. Бусырева

СУДЬБЫ РАСКУЛАЧЕННЫХ НЕМЦЕВ (НА ПРИМЕРЕ ДВУХ СЕМЕЙ ИЗ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ)¹⁰

Аннотация

Статья вводит в науку новые источники частного происхождения. Она посвящена истории немецких семей из Ленинградской обл., которые были раскулачены и высланы на север в Хибиногорск. В основу статьи легли интервью, полученные у представителей двух семей, а также документы их семейных архивов. Рассматривается история миграций немецких семей, сообщается о предках информантов. Основу семейной истории составляет процесс раскулачивания, что характерно для представителей «репрессированных народов». Тексты интервью и документы семейных архивов информантов обладают значительным информационным потенциалом и могут быть использованы в качестве источника для изучения российских крестьянских семей с немецкой родословной.

Ключевые слова:

спецпереселенцы, кулаки, немцы, спецпоселок, депортация.

Elena V. Busyreva

DESTINIES OF DISSOLVED AND EVICTED GERMANS (ON THE EXAMPLE OF TWO FAMILIES FROM THE MURMANSK REGION)

Abstract

The article introduces new sources of private origin into science. It is dedicated to German families from the Leningrad region. They were wealthy peasants, whom the Soviet government deprived of property and sent north to Khibinogorsk. The article is based on interviews, obtained from representatives of two families, as well as their family archives. The history of migration of German families is outlined in the article. The process of forced eviction is presented in more detail. The presented materials from the family archives of informants have a considerable information potential and can be used as a source for studying the peasant families with German pedigree.

Keywords:

special settlers, fists (prosperous peasants), Germans, special settlements, deportation.

¹⁰Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00392 «Население Кольского полуострова между двумя мировыми войнами: миграции, мобильность, идентичность».